

На правах рукописи

Кукушкин

Кукушкин Сергей Александрович

ТЕМАТИЗАЦИЯ СПЕЦИФИКИ МЫШЛЕНИЯ Н.А. БЕРДЯЕВА И
Л. ШЕСТОВА В ГОРИЗОНТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ СУБЪЕКТИВИЗМА И ИНДИВИДУАЛИЗМА

09.00.03 — история философии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск – 2005

Работа выполнена на кафедре истории философии и логики
Томского государственного университета

Научный руководитель: кандидат философских наук,
Мазаева Ольга Геннадьевна

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
Колодий Наталия Андреевна
кандидат философских наук,
Зинченко Евгений Владимирович

Ведущая организация: Сибирский государственный
медицинский университет

Защита диссертации состоится 18 октября 2005 г. в 12 часов 40 минут на заседании диссертационного совета Д 212 267.01 при Томском государственном университете по адресу: 634050, г Томск, пр. Ленина 36, ТГУ, ауд. 306 (4 корп.).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
Томского государственного университета

Автореферат разослан 16 сентября 2005 г

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212 267.01

О.Г. Мазаева

2006-4
14391

2175453

3

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования и постановка проблемы

Актуальность темы исследования, связанная с постановкой проблемы, может быть зафиксирована в трех аспектах.

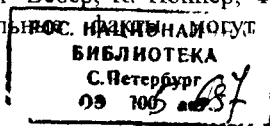
1 Экзистенциализм зарекомендовал себя как одно из ведущих философских направлений XX века, но к настоящему времени, несмотря на неугасающий интерес к наследию его представителей, прежде всего к творчеству — М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, — в целом экзистенциализм утратил свои позиции, переместившись в область историко-философских исследований. Вместе с тем в центре интереса отечественных историков философии сейчас находится период русского религиозно-философского ренессанса рубежа XIX-XX веков.

Н.А. Бердяев и Л. Шестов, творчество которых рассматривается в диссертации, принадлежат к обоим указанным направлениям. И в мировом экзистенциализме, и в русской религиозной философии они относятся к числу наиболее заметных фигур. В этом одна из причин того, почему Н.А. Бердяев и Л. Шестов (наряду с Владимиром Соловьевым) являются наиболее известными на Западе русскими философами. Соответственно, анализ их позиций по тем или иным философским проблемам будет способствовать интеграции отечественной философии в мировой контекст, что особенно важно в современных условиях глобализации и мультикультурализма.

В отечественной философии исследования различных аспектов истории религиозной философии становятся важнейшими темами, развитие которых выявляет её специфику. Поиск новых концептов религиозной философии на путях критики европейского рационализма, связи индивидуального познания и социальной позиции, является отличительной чертой отечественной философии начала XX века вообще, и творчества русских экзистенциалистов, в частности. Их творчество является одной из самых ярких и значительных страниц истории отечественной философии.

Философия Н.А. Бердяева и Л. Шестова долгое время оставалась недоступной в полной мере для историков отечественной философии. Исследование их наследия важно для нас в плане обогащения проблемного поля современной философии, поскольку их темы и подходы могут быть реконструированы и проанализированы в контексте плюралистической, динамичной, открытой философской ситуации с точки зрения проблематики нынешней философии.

2 В истории зарубежной и отечественной философии с XIX века и по настоящее время обсуждаются проблемы субъективизма и индивидуализма в философии и общественных науках. Методологический индивидуализм, классиками которого считаются Д.С. Милль, М. Вебер, К. Поппер, Ф. фон Хайек, исходит из того, что все социальные явления могут быть

проинтерпретированы в терминах действий и содержания сознания отдельных индивидов. Методологический индивидуализм противостоит социальному холизму, который представлен, например, теориями Э. Дюркгейма и К. Маркса. Если мы принимаем тот тезис, — активно разрабатываемый от Платона до Ю. Хабермаса и Х. Патнэма, — что социальная теория тесно связана с теорией познания, то мы рассматриваем и эпистемологический коррелят индивидуализма — субъективизм, означающий признание релевантности субъективной истинности. Субъективная истинность противостоит позитивизму и научной картине мира, стремящейся к объективности, которая в современном знании ориентируется на естественные и точные науки.

Поскольку в центре внимания экзистенциалистов находится конкретная человеческая личность, то экзистенциализму в целом, безусловно, присущ и субъективизм, и индивидуализм в самом широком понимании этих терминов. Здесь возникает второй аспект актуальности темы, относящийся уже к постановке нашей конкретной проблемы и специфике ее решения: каковы особенности субъективистских и индивидуалистских позиций русских экзистенциалистов? Какими культурно-историческими факторами обусловлены их подходы?

3 Актуальным также представляется сравнение позиций Н.А. Бердяева и Л. Шестова по рассматриваемым вопросам. Так, уже первая книга Н.А. Бердяева называется «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», но в дальнейшем его подход к этой проблематике стал гораздо более широким и разносторонним.

Проявление субъективизма и индивидуализма у Л. Шестова более имплицитно — в частности, в его историко-философских реконструкциях. Экспликация этих нюансов важна для истории русской философии, но также связана и с перманентной критикой научной модели философии как идеальной формы знания, с ревизией основных философских понятий.

Степень теоретической разработки темы исследования

Отклики на работы Н.А. Бердяева и Л. Шестова появляются уже в конце XIX века; вместе с тем необходимо отметить интенсивный философский диалог между ними.

Несмотря на декларируемую близость их позиций, Н.А. Бердяев в своей интерпретации отмечает монотонность философствования Л. Шестова и преобладание одной темы — опровержения разума.

Эта спорная характеристика, впоследствии некритически взятая в основу многих исследований творчества Л. Шестова, проистекает, как указал Д.В. Сухушин, из существовавшего между этими двумя философами расхождения в понимании разума и путей преодоления философии рационализма.

Как представляется, характеристика этого расхождения может быть дополнена конкретизацией этих путей как теоретико-познавательных

проектов, направленных против объективирующего рационализма. Их детальное и поэтапное рассмотрение, наряду с их интеграцией в более широкий экзистенциалистский контекст, и составляет содержание представленной диссертации.

Реконструкция экзистенциалистской парадигмы проводилась с опорой на широкий круг первоисточников. Это работы С Кьеркегора, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, А Камю, М. Мерло-Понти, Г. Марселя, К. Ясперса и др. Использовалась исследовательская литература по экзистенциализму следующих авторов: А.С. Богомолова, Б.Э. Быковского, А.К. Волкова, П.П. Гайдено, К.М. Долгова, И.С. Нарского, Т.И. Ойзермана, А.П. Огурцова, П.Д. Тищенко; в том числе по русскому экзистенциализму: И.Ф. Балакиной, В.П. Визгина, Т.П. Короткой, А.Н. Латыниной, Е.Н. Некрасовой и др.

В основу анализа специфики русского религиозно-философского ренессанса и его историко-философского значения легли идеи А.В. Ахутина, Б.В. Емельянова, А.В. Гулыги, В. Гердга, Г. Дама, Е.В. Каманиной, В.К. Кантора, В.А. Кувакина, Н.О. Лосского, М.А. Маслина, Т.И. Ойзермана, Э.Л. Радлова, Л.Н. Савельева, А.Д. Сухова, Д.В. Сухушина, Г.Г. Шпета, Г.П. Федотова, С.Л. Франка; в том числе по русскому нищезанству: Н. Авксентьева, К.М. Азадовского, А. Белого, В.В. Дудкина, Д.В. Мережковского, А. Рилля, Е.Н. Трубецкого и др.

Для интерпретации понятий субъективизма и индивидуализма важное значение имела фундаментальная работа А. Рено «Эра индивида» с комментарием Б.В. Маркова

Субъективистский и индивидуалистический подход в философии Н.А. Бердяева проанализирован с привлечением исследований по ней: О.Д. Волгогоновой, А.В. Гулыги, Н.К. Дмитриевой, Б.В. Емельянова, А.А. Ермичева, В.В. Зеньковского, Дж. Клайна, Ф. Коплстона, В.А. Кувакина, Н.О. Лосского, К.Г. Мальцева, М.А. Маслина, А.П. Моисеевой, Е.Н. Некрасовой, Н.П. Полторацкого, Э.Л. Радлова, Т.И. Сидненко, Е.Н. Трубецкого, Г.П. Федотова, Л.В. Фирсовой, Г.П. Федотова, Л. Шестова и др.

Субъективистский и индивидуалистический подход в философии Л. Шестова проанализирован с привлечением исследований: В.Ф. Асмуса, А.В. Ахутина, И.Ф. Балакиной, Н.К. Батовой, А. Белого, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.П. Визгина, Б. Грифцова, Б.В. Емельянова, А.А. Захарова, В.В. Зеньковского, Дж. Клайна, В.А. Кувакина, Н.О. Лосского, Ч. Милоша, Н.К. Михайловского, Л.М. Моревой, Н.С. Мотрошиловой, Н.П. Полторацкого, С.А. Полякова, А. Ремизова, С.С. Слободенюка, Д.В. Сухушина, И.В. Цветковой, А.З. Штейнберга и др.

Цель и задачи исследования

Цель исследования заключается в следующем: реконструировать и проанализировать проявления субъективизма и индивидуализма в русской

экзистенциальной философии, представленной творчеством Н.А. Бердяева и Л. Шестова.

Достижение поставленной цели задает логику работы, которая может быть представлена через решение следующих задач:

1. Всесторонне зафиксировать и философски проанализировать факторы, определяющие постановку указанной проблематики в экзистенциалистской парадигме в целом.

2. Эксплицировать историко-философские предпосылки, детерминирующие формирование экзистенциализма в России

3. Раскрыть философские представления ведущих выразителей экзистенциальной русской мысли — Н.А. Бердяева и Л. Шестова, подчеркнув особенности субъективистских и индивидуалистических позиций обоих мыслителей.

4. Выявить общности и различия в способах интерпретации субъективизма и индивидуализма Н.А. Бердяевым и Л. Шестовым.

Методологическая основа исследования

Источниками диссертации являются тексты отечественных и зарубежных экзистенциалистов, их переписка, письма и сообщения современников, а также исследовательская литература по теме диссертации.

Теоретической основой философского исследования творчества Н.А. Бердяева и Л. Шестова являются экзистенциалистская и герменевтическая философская программа. В работе используются методы:

1. Философской реконструкции и интерпретации. На основе этого метода выявляются основные особенности конкретных философских ситуаций и позиций конкретных философов

2. Сравнительного анализа. Этот метод позволяет сопоставить различные подходы к традиционной экзистенциалистской проблематике, к пониманию соотношения новации и наследия и выявить специфику подходов Н.А. Бердяева и Л. Шестова.

3. Генетического анализа. Этот метод позволяет выявить скрытые детерминанты философствования в рамках выявленных экзистенциалистских установок.

4. Концептуального анализа. На основе этого метода исследовались выявленные подходы к пониманию субъективизма и индивидуализма, опирающиеся на определенные понятийные блоки

Научная новизна исследования и положения, выносимые на защиту

Научная новизна исследования заключается в следующем: в рамках отечественной парадигмы экзистенциалистской детерминации познания в диссертации объясняется наличие и раскрывается становление специфических концепций субъективизма и индивидуализма.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Общефилософские проблемы субъективизма и индивидуализма в отечественном контексте получили наиболее яркую, радикальную и детальную проработку в экзистенциалистской парадигме.

2. Сравнение концепций Н.А. Бердяева и Л. Шестова выявляет общность и различие их позиций в аспектах субъективизма и индивидуализма.

Общность их взглядов по этим вопросам имеет своей предпосылкой характерное для экзистенциализма в целом представление о свободе как о метафизической первооснове бытия, изначально воспринятое обоими мыслителями в значительной степени сквозь призму нищезанятия (что, в свою очередь, обусловлено культурной ситуацией в России того времени, когда оба мыслителя начинали свою философскую деятельность).

Многочисленные различия их позиций по рассматриваемым вопросам имеют, соответственно, множество предпосылок, из которых важнейшими представляются следующие:

а) Н.А. Бердяев является, пусть не всегда и во всём последовательным, но всё же, по преимуществу, представителем русской православной религиозной философии, разделяющим ее ключевые тенденции. Идеи соборности и всеединства ограничивают его индивидуализм до персонализма, а идея Богостроительства ставит рамки его субъективизма.

Л. Шестов, отводя вере огромную (в поздний период — главную) роль, при этом подчеркнуто внеконфессионален, а детерминантами его субъективизма и индивидуализма выступают история мировой философии и художественная литература.

б) Л. Шестов делит философское наследие на две традиции, в основе которых лежит мотив доверия или недоверия разуму. Себя — он принципиально ассоциирует с последней традицией.

Н.А. Бердяев более склонен к плюрализму, что также придаёт особенность формам выражения субъективизма и индивидуализма.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость определяется степенью заявленной выше новизны. Поднятые в диссертации проблемы принадлежат к области фундаментальных интересов философии. Исследование субъективизма и индивидуализма в рамках экзистенциалистской парадигмы стремится внести посильный вклад в историю отечественной философии. Выявление определенных особенностей конкретных аспектов творчества Н.А. Бердяева и Л. Шестова способствует определению философского статуса их наследия и совершенного ими позитивного философского вклада.

Результаты проведенного исследования открывают новый аспект исследования проблемы субъективизма и индивидуализма в познании. Возможно использование результатов исследования при анализе конкретных проблем изучения истории европейской и отечественной философии.

Результаты работы могут быть использованы в курсах «Введение в философию», «Введение в историю философии», «История зарубежной

философии», «История отечественной философии», а также в специальных и факультативных курсах для студентов философских и гуманитарных факультетов.

Апробация работы

Фрагменты диссертации обсуждались на заседаниях кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. Основные концептуальные положения данного исследования обсуждались на теоретических семинарах аспирантов философского факультета Томского государственного университета. Отдельные аспекты и тематические мотивы работы нашли отражения в публикациях автора и были представлены на научных конференциях.

Структура диссертации

Текст диссертации составляет 140 страниц и включает введение, две главы (пять параграфов), заключение и список литературы, насчитывающий 143 источника.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы и ставится проблема исследования; даётся описание степени разработанности темы в философской традиции; определяется цель, соответствующие этой цели основные задачи и выносимые на защиту положения; раскрываются теоретико-методологические основания диссертационного исследования; демонстрируется научная новизна и значимость полученных результатов; обозначается структура диссертации.

Глава первая «Специфика трактовки индивидуализма и субъективизма в экзистенциалистской традиции» состоит из трех параграфов и посвящена решению связанных между собою задач. Сначала эксплицируются факторы, задающие сложный и неоднозначный теоретико-познавательный контекст экзистенциализма. Затем, соответственно, выявляются значение понятий индивидуализма и субъективизма в экзистенциалистском движении, определяется специфика их контекстуальных смыслов.

В первом параграфе «Экзистенциализм и его теоретико-познавательные характеристики» с целью эксплицировать основания экзистенциалистского мировоззрения, проведен сравнительный анализ становления и взаимодействия наиболее интересных концепций и систем аргументации, предпринятых в этом контексте.

Экзистенциализм утвердился в Европе в период между двумя мировыми войнами, оставаясь до конца 60-х годов XX века одним из ведущих

философских течений. Важнейшим для него является специфическое понятие экзистенции — конкретного индивидуального человеческого существования. Можно выделить три характеристики реальности, указываемые экзистенциалистами:

- 1) центральное положение экзистенции как способа бытия такого конечного сущего, как человек;
- 2) экзистенция соотносится с трансценденцией бытия;
- 3) возможность как образующий принцип экзистенции.

Понятие экзистенции призвано указывать на конечность существования; экзистенция есть возможность, то есть «возможность быть». Для экзистенциалистских представлений о познании характерны две комплиментарные рамочные установки:

- мир — совокупность объектов, изначально не наделенных значением;
- общество — искусственная конструкция, которая неизбежно находится в конфликте с личными стремлениями индивида.

Фундаментальной для экзистенциалистов является идея нашего «бытия в мире», которая дает им способ критиковать идею, окончательно укоренившуюся в теории познания после Декарта в качестве центрального исходного допущения и основанной на том, что мы получаем чувственные ощущения и обрабатываем информацию лишь на самом элементарном уровне.

В экзистенциалистской теории познания отклоняется представление, согласно которому личность может считаться «мыслящей субстанцией» или заключенной в себе «областью сознания», отличной от мира. В своих дорефлексивных действиях индивид сталкивается с собой не как с набором убеждений и желаний, но как с сущим «вовне» вместе с теми вещами, которые его, так или иначе, затрагивают. Совокупность моих намеренных действий определяет меня; нет никакого остатка «субстанциальной вечности», отличной от моих действий.

Экзистенциалистская концепция нашего «бытия в мире» подвергает сомнению некоторые из дуализмов, ранее доминировавших в западной мысли. Прежде всего, экзистенциалисты отрицают различие между внешним индивидуумом — тем, кто действует в мире — и внутренним, «истинным», который воплощает нашу подлинную природу. Если мы суть только то, что мы делаем, как утверждают экзистенциалисты, то нет никаких оснований для того, чтобы установить «реального меня», отличающегося от ролей, которые я играю, и вещей, которые я делаю.

Отсюда следует, что концепт «бытия-в-мире» ставит под сомнение традиционную субъект-объектную модель теории познания. Последняя исходит из предположения о том, что люди уже на самом базовом уровне представляют собой субъекты опыта, когда пытаются сформулировать свои представления об объектах на основе своих внутренних представлений.

Экзистенциалисты считают, что такое предположение искажает реальную ситуацию. Если верно, что мы изначально и — что наиболее важно —

фактически находимся уже «там», с вещами в мире, то утрачивают актуальность традиционные эпистемологические вопросы о том, как субъект знания может «трансцендировать» завесу идей, чтобы получить знание об объектах внешнего мира.

Таким образом, можно утверждать, что экзистенциализм предлагает собственные основания и контексты для «вечного возвращения» к традиционной задаче преодоления объективирующего рационализма.

Во втором параграфе «Индивид и индивидуализм в экзистенциалистской парадигме» анализируется альтернатива, которую экзистенциализм предлагает объективизму. В экзистенциализме субъектом познания становится не абсолютистское, универсалистское картезианское *ego*, но конкретная личность, индивид.

Индивид не подлежит безличностной интерпретации, когда истинным субъектом отношения «я мыслю» выступает самая мысль. Важнейшим конституирующим свойством индивида выступает его *независимость*, и в этом состоит решающее отличие понятия индивида от понятия субъекта, не содержащего такого акцента.

Краеугольным камнем экзистенциалистского понятия индивидуализма в познании, где коррелируют гносеологическое, аксиологическое и этическое (а для религиозного экзистенциализма — и фидеистическое) измерения, является понятие свободы.

«Бытие в мире» подразумевает, что мы вовлечены в общий жизненный мир, который дает нам априорное чувство того, что является возможным, и выборы в проблемных ситуациях, совершенные нами в прошлом, имеют вес в определении того, как мы можем действовать в будущем: это — наша «фактуальность», составляющая то, что «дано» нам в жизни. Однако экзистенциалисты расценивают фактуальность как лишь один из аспектов человеческого существования, поскольку они считают, что люди всегда способны превзойти свою данную ситуацию, принимая важнейшие решения в своей жизни.

Эта способность трансцендировать нашу фактуальность выступает в качестве специфически экзистенциалистского раскрытия традиционной интуиции о том, что человек имеет свободу воли. Для экзистенциалистов речь идет не о человеке вообще, наделенном абстрактными атрибутами и акциденциями, но **всегда о конкретном человеке — индивиде**

Свобода — основная характеристика индивида в экзистенциалистском понимании. Индивидуальный выбор **свободен** в том смысле, что

- (1) никакие внешние факторы не определяют наше желание,
- (2) в любом конкретном случае, мы, возможно, действовали бы иначе, и
- (3) поэтому мы **ответственны** за свой выбор в том отношении, что он определяет наше моральное достоинство или вину.

Экзистенциалисты считают, что мы ответственны не только за направление, которое принимает наша собственная жизнь, но также и за способ, которым существует мир вокруг нас.

Эта идея имеет корни во взглядах Канта, согласно которым действительность, переживаемая нами в опыте, частично сформирована конституирующей деятельностью наших собственных сознаний. Отражение этой интуиции содержится у Кьеркегора и Ницше, однако, особенно сильная версия этого кантовского подхода была развита в теории конституирования в рамках феноменологии Гуссерля. Гуссерль считал, что мир, который дан нам в опыте, конституируется через дающую значение деятельность сознания.

Сартр трактует эту теорию конституирования так: поскольку я формирую мир вокруг меня через мою дающую значение деятельность, я, в конечном счете, ответственен за способ, которым мир представляет себя мне в моем опыте. Смысл трактовки Сартра состоит не в том, что нет никаких ограничений на способы, которыми я интерпретирую свою ситуацию, но в том, что эти ограничения получают свое значение от меня, и поскольку есть неопределенно много возможных значений, которые может иметь любая ситуация, нет никакого способа идентифицировать любые возможно «неоднозначные» факты, которые могли бы заставить меня видеть вещи так, а не иначе.

Но это означает, что, выбирая свою интерпретацию как себя непосредственно, я тем самым выбираю свой мир. Именно наши собственные свободно выбранные проекты определяют то, каким образом действительность должна быть представлена и какое значение имеют вещи.

На основании радикальной доктрины индивидуальной свободы и ответственности экзистенциалистская концепция индивидуализма включает также этические компоненты и, как следствие — предложения о моральном поведении. Предложения экзистенциалистов о поведении проистекают из понятия подлинности, «аутентичности», понимаемой как «столкновение» с ответственностью без ухода в «дурную веру». При этом подлинность подразумевает привлечение других людей, чтобы поощрить у них ощущение свободы.

Многоаспектность экзистенциалистского понимания индивидуализма дает основания характеризовать его как интегрированный теоретико-познавательный проект. Теория «бытия-в-мире» в принципе делегитимирует саму субъект-объектную модель познания; таким образом, экзистенциалистская традиция, строго говоря, не является субъективной.

Однако можно ли утверждать, что в ней снимаются все проблемы, связанные с субъективностью? Требуется ли для этого теоретическая редукция индивидуализма к субъективизму или же их демаркация? Эти и связанные с ними вопросы нашли отражение в экзистенциализме, их рассмотрению посвящен следующий параграф

Третий параграф «Теоретико-познавательный и экзистенциалистский субъективизм» связан с выяснением специфики контекстуального смысла понятия субъективизм.

Для экзистенциалистов ограниченность модернистских интерпретаций субъектно-объектного отношения выражается, прежде всего, в парадоксальном несоответствии «опыта жизни» и субъектно-объектного деления данного опыта в познавательном процессе.

По отношению к глубинам экзистенции уровни объективности и объективации предстают как неподлинны, обезличивающие, враждебные.

В основе этого представления находится тот факт, что теоретико-познавательное отношение к миру неизбежно связано с установлением дистанции между познающим и познаваемым, а также с исследованием действительности под углом зрения практических и познавательных целей человека.

Подобное деление реальности предстает перед сознанием как технизация мировосприятия (Хайдеггер), из-за чего человек, воспринимая самого себя в качестве активного начала, субъекта деятельности, все явления действительности осмысливает в соответствии с тем, для чего, для какой практической цели они представляют интерес, производя при этом расчленение целостного бытия на различные сферы сущего и манипулируя внутри данных сфер, всё более отдаляясь от целостности бытия.

Все «неподлинны» способы бытия и мировосприятия оказываются так или иначе связаны с анализом человеческого отношения к миру в терминах субъекта и объекта *Несводимость субъекта к сознанию мыслится экзистенциалистами возможной лишь в том случае, если нет самосознания субъективности «Я»* Особый интерес представляют феноменологический проект Сартра и историко-философская аналитика Хайдеггера.

Сартр пытается соотнести различные уровни *cogito*. Такими уровнями являются: «дорефлексивное *cogito*», которое не постигает субъект, личность как свой объект, оно безлично, несубстанционально и направлено лишь на внешнее; «рефлексивное *cogito*», в котором сознание направлено на самого себя. Именно последний уровень, по мнению Сартра, реализует модернистские тенденции. Субъект в подобном случае сводится к уровню объекта, а сам принцип *cogito* превращается в инструмент логического анализа.

Фундаментальная ограниченность философии Декарта состоит в том, считает Сартр, что сознание отождествляется лишь с «рефлексивным *cogito*». Полагая, что при таком подходе все богатство личностной структуры сводится только к моментам рефлексии, Сартр предлагает вернуться к уровню «дорефлексивного *cogito*», а Хайдеггер пытается возродить тенденции «дометафизической эпохи», в которую отсутствовал субъектно-объектный дуализм — вернуться к архаичным практикам «солидарности».

Таким образом, путь экзистенциализации *cogito* — это снятие рефлексивных моментов в деятельности и мировосприятии субъекта и

насыщение *cogito* феноменами пограничных практик, в том числе интерсубъективных

Субъективность, с которой мы при этом сталкиваемся, не является, при таком рассмотрении, сугубо индивидуальной субъективностью: в *cogito* открывается не только моя самость, но также и другие. Следовательно, человек, схватывающий себя непосредственно в *cogito*, открывает также и других, и он открывает их как условие собственного существования. Мы приходим к проблеме интерсубъективности как одной из определяющих характеристик экзистенциалистского субъекта познания.

Анализ субъекта, предложенный Хайдеггером, создал рамочные интуиции для традиции экзистенциалистов. Хайдеггер объявил одними из первых «метафизиков», абсолютизирующих разрыв между субъективным и объективным, Декарта и Лейбница. Следствием этого разъединения является перенесение центра тяжести на *cogito*, а все то, что противостоит *cogito*, рассматривалось в качестве предметного. Человек (как объект рассмотрения) в подобной модели сводился к его предметной определенности, растворяясь тем самым в «инертности вещей».

Таким образом, интерпретация модернистского гносеологического проекта, в оппозиции к которому находились экзистенциалисты, подразумевала два пункта:

- утверждение человека в качестве субъекта и
- редукцию всякой реальности к тому, что для субъекта является объектом.

Хайдеггер стремился показать, каким образом все ипостаси модернизма («современности») в действительности являются «продолжениями» этого возведения человека в положение субъекта. Всё соотносится с царством субъективности или, (что по Хайдеггеру то же самое), с подъемом гуманизма, который на самом деле является лишь культурным выражением философского утверждения человека в качестве субъекта. Гуманизм, как считал он, «не ставит еще *humanitas* человека достаточно высоко», заставляет видеть величие последнего в том, что «человек становится субстанцией сущего» в качестве его «субъекта» и «на правах властителя бытия».

Подчеркивая *человечность* субъекта, Хайдеггер *демонстративно отказывался от демаркации индивидуализма и субъективизма*. В своей критике гуманизма, морали и философской антропологии он опирался на предтечу экзистенциализма — Ницше. Именно эта критика и обусловила предлагаемые Хайдеггером пути трансцендирования субъективности.

Хайдеггер развивал мысль Ницше о «человеческом, слишком человеческом»: наука, техника, война не антигуманны — наоборот, они слишком пронизаны человеческими интенциями, включая волю к власти, то есть стремление к всемогуществу, в том числе на основе всеведения. Это ложные интенции, так как подлинное место человека в мире — быть хранителем «дома бытия».

Предложение Хайдеггера о преодолении субъективности путем возврата к архаическим практикам солидарности, к «дометафизической» эпохе можно считать объемлющим решением, также опирающимся на Ницше — не только в плане возврата к дионисийству, но и реализующим формулу «фактов нет, есть лишь интерпретации». Множественность интерпретаций обеспечивается интерсубъективностью.

Итог первой главы таков: хотя экзистенциалисты не проводят эксплицитной демаркации между индивидуализмом и субъективизмом, тем не менее, экзистенциалистский подход предоставляет концептуальное пространство для сложных, нагруженных, многомерных теорий противостоящего социуму индивида и экзистирующего субъекта познания. Главной, основополагающей, конституирующей для экзистенциализма является концепция индивидуальной, личностной свободы и ответственности, её гносеологическим коррелятом в экзистенциалистской теории познания выступает свойство интерсубъективности, оказывающееся неотъемлемым атрибутом экзистенциалистских гносеологических проектов.

Вторая глава «Экзистирующий индивид и субъект экзистенциалистского познания в философии Н.А. Бердяева и Л. Шестова» раскрывает особенности именно этих теоретико-познавательных аспектов — субъективистского и индивидуалистского — у Бердяева и Шестова собственно с экзистенциалистской точки зрения.

Первый параграф «Субъект познания, веры и действия в персонализме Бердяева» посвящен рассмотрению тех способов, с которыми Бердяев подходит к решению вечной философской проблемы общества и личности, социума и индивида.

Личность для него — духовная категория, её реализация означает восхождение от бессознательного через сознательное к сверхсознательному, божественному. Исток личности — не в плоти, а в духе. По его мнению, она имеет безусловный приоритет перед обществом. Личность осознает свое бытие как высший смысл мироздания, она больше и общества, и космоса. С точки зрения Н.А. Бердяева, не личность является частью общества, а наоборот, *общество надо рассматривать как часть личности*. Личность возникает как индивидуальное самосознание своего «я».

Но любое «я» рано или поздно упирается в существование другого «я», которое становится для первой личности «ты». Сообщество личностей образует «мы». Осознание единства «мы» приводит к возникновению *коммунитарности*. В этом смысле, сознание личности может быть названо социальным. Через «мы» личность внедрена в общество. Вместе с тем, для любой личности всегда сохраняется опасность превращения «мы» в чуждое «не-я» или даже во враждебное «оно». Общество, как считал Бердяев, есть объективация человеческих отношений; объективированное общество подавляет личность. Это происходит тогда, когда общество, (нация,

государство, класс и т. д.), пытается подчинить личность себе, сделать ее простым орудием для достижения тех или иных целей (что происходит практически всегда). Трагедия личности состоит в том, что ей приходится отстаивать свой приоритет.

Конечным назначением человека является его духовное развитие, а не выполнение социальных функций, поэтому существует граница власти общества над личностью: личность должна руководствоваться собственными духовными интересами, а не интересами класса, нации, государства, общества. В иерархии ценностей социальное никогда не может стоять выше духовного, а духовность у Бердяева всегда однозначно связана с личностью, — следовательно, личность выше общества, хотя и невозможна без него. Личность неисчерпаема, поэтому она всегда не только реальность, но и «задание, идеал человека», его регулятивная идея.

Свою позицию Бердяев называл *персонализмом*. Он утверждал ценность человеческой личности как божественной эманации, как духа: «Личность после смерти войдет в Царствие Божие, тогда как от коллектива не останется ничего».

Разумеется, у персонализма немало общего с индивидуализмом, считал Бердяев. Но есть и коренное различие: крайний индивидуализм превращает человеческую личность в центр мироздания. Персонализм же, высоко ставя личность, провозглашает, её назначением служение сверхличным ценностям, творческую активность. Различие между персонализмом и индивидуализмом формулируется так: «персонализм призывает к жертвенности, а не к самовозвеличению».

Кроме того, персонализм не отрицает необходимости для личности живого общения с другими личностями: выступая против коллективизма, персонализм обосновывает коммюнитарность как условие существования и саморазвития личности. Бердяев так излагал свои взгляды на возможность разрешения противостояния личности и общества: «Персонализм (признание верховной ценности конкретной человеческой личности) имеет социальную проекцию. Общество может быть организовано персоналистически во имя каждой человеческой личности, ее достоинства, ее права на жизнь и труд, на реализацию заложенных в ней возможностей».

Во втором параграфе «Иррациональный субъект Шестова» рассматриваются особенности сложного и неоднозначного концепта иррационального субъекта. Считается, что Л. Шестов вошел в историю философии как иррационалист. В самом деле, одним из его основных, неоднократно варьируемых тезисов является тезис о том, что знание не освобождает, а порабощает человека. Его антисциентистский пафос таков, что его можно причислить к лидерам в этом отношении не только среди представителей русского религиозно-философского ренессанса, но и мирового экзистенциализма.

Причем по мере эволюции Шестова как мыслителя он все сильнее настаивал на том, что чем больше мы приобретаем положительных знаний, тем дальше мы от тайн жизни. С самых первых и до последних своих работ Шестов продолжал утверждать, что стремление к системе убивает свободное творчество, что книжной мудрости не суждено постичь человека, что систематичность есть непрменный признак духовной ограниченности. И вместе с тем он неоднократно цитирует Паскаля: «Да не упрекнут нас более в отсутствии ясности, поскольку это мы как раз и исповедуем» Очевидно, что это иррационализм нестандартного типа, и в то же время нет смысла упрекать Шестова во внутренней противоречивости.

В центре философии Шестова стоит существование одинокого человеческого Я, не желающего сливаться с *единым*, стремящегося отстоять свое право на индивидуальность, на уникальное личностное видение окружающего мира.

Свобода личности — внутренняя и внешняя, духовная и политическая — полагалась Шестовым в качестве высшей ценности, основы подлинного существования. Личность, экзистирующий субъект вынужден признать, что он сталкивается с миром, следующим своим собственным законам, с миром необходимости.

Именно здесь лежит основа традиционной философии: лишь необходимое, всеобщее и непреложное достойно внимания и размышления. Греческие философы прославили это всеобъемлющее *Единое* и представили *индивидуальное* существование как *дефект Единого*, несоответствие ему, как несовершенство, за которое индивид должен платить своей жизнью.

Необходимость осаждает личность и изнутри, но личность всегда воспринимает ее как чужеродную силу. И, тем не менее, субъект должен признать неизбежность мироустройства, и традиционная, неприемлемая для Шестова философская мудрость заключается как раз в советах признать эту неизбежность и отказать от всякого сопротивления, примириться с необходимостью.

Однако Шестов задает вопрос, почему субъект должен подчиниться «мудрости», которая противоречит его самому сильному, согласно экзистенциализму, стремлению — стремлению к свободному существованию? Зачем уважать «неизменные законы»? Как можем мы быть уверены в том, что *предполагаемое невозможное — действительно невозможно?*

Однако это не «эпистемологический анархизм» — позиция Шестова довольно далека от той позиции, которая позже получила развитие в философии науки как развитие взглядов Имре Лакатоса. Субъективизм, по Шестову, имеет иной характер, он был назван антропологическим. Его критика науки носит не методологический, а гуманистический характер. Для него симптоматично признание метафизикой и позитивизмом того, что закономерность не свойственна явлениям внешнего мира, а привносится туда человеческим разумом.

Подобная интерпретация во многом схожа с «эпистемологическим анархизмом» и «социальным конструктивизмом» в философии науки, где каждый факт признается «нагруженным теорией», то есть, не существует «чистых» фактов, полностью свободных от теоретических толкований.

Однако место теории здесь занимает мораль: факты для Шестова нагружены социокультурными регулятивами, моральной интерпретацией, где мораль отнюдь не абсолютна, но социально обусловлена. Критикуя моральный разум, Шестов не отвергает ни нравственных заповедей, ни общепринятых норм поведения. Причём необходимо учесть, что мораль *не может* быть автономна по отношению к человеку, не может сама по себе быть высшим законом.

Опасность и ложность морального закона по Шестову состоит в том, что он считает себя самоценным, тем самым, ставя себя выше всех остальных явлений жизни, выше человеческих судеб. Автономная мораль равнодушна к людям. Однако никакое доказательство не бывает полным, всегда остается место для предпосылок, которые мы принимаем без всяких обоснований.

Недостаток доказательности моральный закон восполняет принципом необходимости — принуждением: подчиняться принято не потому, что так есть, а потому что так должно быть. Альтернатива такой общественно-принудительной морали, которую выдвигал Шестов — ориентация на человека как такового, как подлинно экзистенциалистского субъекта познания. И она — не сразу, а после долгих исканий — отождествляется для него с верой.

Итогом второй главы является сравнение концепций Н.А. Бердяева и Л. Шестова, позволяющее выявить основания сходства и различия их позиций в аспектах субъективизма и индивидуализма.

Оба мыслителя исходят из представления о свободе как о метафизической первооснове бытия. Весьма значительным для формирования их позиций оказалось влияние на них творчества Ф. Ницше.

Основные различия их позиций связаны со своеобразием их религиозно-философских пристрастий. В результате мера индивидуализма и субъективизма оказалась разной. Православие, идеи соборности и всеединства ограничивали индивидуализм Н.А. Бердяева до персонализма, а идея Богостроительства ставила рамки его субъективизму. Внеконфессиональность Л. Шестова, упование на веру, противостоящую разуму, явились детерминантами антропологической трактовки им субъективизма и индивидуализма.

В заключении подведены основные итоги работы, сформулированы её результаты, намечены перспективы дальнейшего исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Кукушкин С.А. Современный духовный кризис Запада в оценке отечественных философов. // Актуальные проблемы социальных и гуманитарных наук. Выпуск 3. — Томск: ТГУ, 2001. — С. 35 – 40.

2. Кукушкин С.А. Исследование диалога в современной отечественной философии. // Актуальные проблемы социальных наук. — Томск: ТГУ, 2003. — С. 39 – 43.

3. Кукушкин С.А. Принцип «овозможения реальности» в современной философии. // Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте проблем формирования историко-культурного сознания. Г.Г. Шпет / Comprehensio. Четвёртые Шпетовские чтения. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003, С. 98 – 102.

4. Кукушкин С.А. Вхождение Ницше в русскую культуру. // Актуальные проблемы социальных наук. — Томск: ТГУ, 2005. — С. 53 – 57.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Из фондов Российской национальной библиотеки

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Редакционно-издательского отдела ТГУ
Лицензия ПД №00208 от 20 декабря 1999 г.

Заказ № 167 от "14" 09 2005 г. Тираж 100 экз.

№ 164 : 2

РНБ Русский фонд

2006-4

14391

Из фондов Российской национальной библиотеки